

БУ УОКЕР

КОГДА ПОЮТ
ДЕРЕВЬЯ

INSPIRIA

Москва

2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
У62

Boo Walker

THE SINGING TREES

Copyright © 2021 by Lemuel (Boo) Walker
All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating
with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration
with Synopsis Literary Agency

Cover Design by Caroline Teagle Johnson
Фото автора на форзаце: © Brandi Morris 2018

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского Юлии Беловой

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© lecosta, Vectorfair / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Уокер, Бу.

У62 Когда поют деревья / Бу Уокер ; [перевод с английского Ю. Беловой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-189256-2

1969 год. Аннализе Манкузо 17 лет. Она живет с бабушкой-итальянкой в бедном провинциальном городе Пейтон-Миллз и мечтает переехать в Портленд, чтобы осуществить желание матери, погибшей в автокатастрофе.

Оказавшись в большом городе, Аннализа знакомится с Томасом Барнсом, студентом престижного университета. Несмотря на вспыхнувшие чувства, она не собирается отказываться от своей мечты стать известной художницей, но неожиданное событие переворачивает ее жизнь с ног на голову.

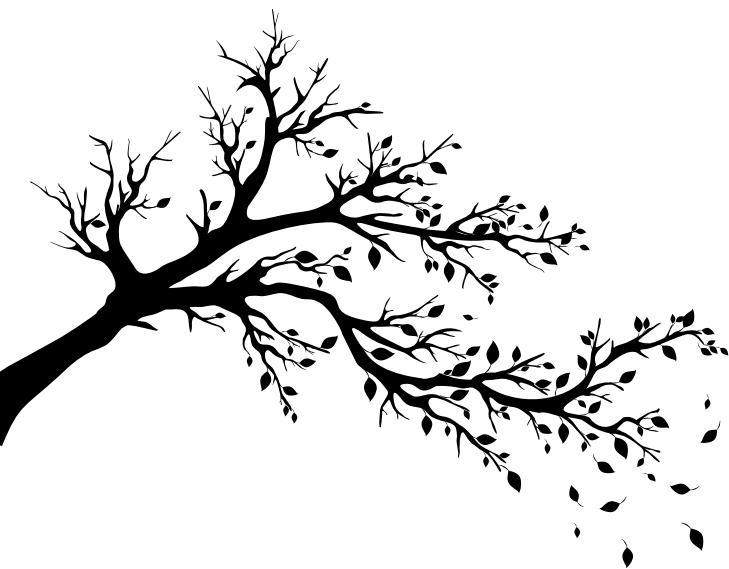
УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Белова Ю., перевод на русский язык,
2024

© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-189256-2

Посвящается Пэтти

Пролог

Декабрь 2019

Кейп Элизабет, штат Мэн

Шестидесятисемилетняя Аннализа Манкузо остановилась на верхней ступени крыльца, положив руку в перчатке на обледенелые перила, и затаила дыхание, любясь сотнями ветряных колокольчиков, которые покачивались на заснеженных ветвях, образуя целый лес поющих деревьев.

Музыкальная подвеска, собранная Аннализой почти полвека назад — самая драгоценная в коллекции ее подруги, — украшала ветку красного дуба, росшего напротив крыльца. Винтажные ключи и серебристые цилиндры окружали золотистый диск маятника, прежде приводившего в движение старинные часы. Хотя маятник и прочие детали подвески появились в саду еще в восьмидесятые, они так стойко пережили удары непогоды, словно попросту застыли во времени.

Бу Уокер

Все детали музыкальной подвески Аннализа некогда нашла в магазине часовщика, где обустроивала жизнь, прежде чем над головой сгустились тучи. В то время она была честолюбивой восемнадцатилетней девчонкой — ложь, тайные козни и война еще не омрачили ее жизнь, и она не ведала, что ясный день рано или поздно сменяется непроглядной ночью.

В голове у Аннализы промелькнули воспоминания о долгих часах, проведенных на веранде в Бангоре, где она училась у матери водить кисточкой под завораживающий перезвон ветряной подвески, которую они собрали вдвоем из антикварных ложек и серебряных колокольчиков, когда Аннализа была ребенком. Веранда с мольбертом служила одним из редких убежищ от дурного настроения отца. Именно здесь Аннализа впервые узнала об исцеляющей силе послушных ветру музыкальных подвесок.

В тишину понемногу вкрался шорох из глубины леса, похожий на монотонный шепот, с приближением становившийся все громче. Прелые листья, устилавшие землю, взметнулись и закружились в воздухе. Налетел колючий зимний ветер, и музыкальные подвески заплясали в бешеном танце.

Аннализу пробрала дрожь. Закрыв глаза, она прислушалась к разносившейся в воздухе симфонии. Прошлое окутало ее шалью и сдавило змеиным кольцом.

Когда ветер стих, она прогнала давно отравлявшие жизнь мысли и, ежась от холода, взглянула на подвески. Аннализа выросла в Мэне, и когда-то холод был ей нипочем, но с годами она утратила согревавшее в юности тепло и понимала, что лучше не откладывать дело в долгий ящик. Оставалось надеяться, что подъем по лестнице окажется ей по плечу.

Спустившись с крыльца, она пересекла пестревший островками снега двор и зашла под садовый навес, где возле компрессора для листьев стояла прислоненная к стене раздвижная лестница.

«Раньше эта затея нравилась мне больше», — подумала Аннализа. Может, не стоило так опрометчиво бросаться выпол-

Когда поют деревья

нять просьбу умиравшей в нескольких милях отсюда подруги? Ради того, чтобы привыкнуть называть Эмму подругой, Аннализе пришлось сделать над собой огромное усилие, но теперь это слово легко слетало с языка и не вызывало внутреннего протеста.

А начиналось все именно с этой ветряной подвески.

— Тебе будет не трудно взобраться по лестнице? — спросила Эмма, понимая, что ее просьба сопряжена с определенной опасностью.

— Ты еще спрашиваешь! — с усмешкой отмахнулась Аннализа. — Думаешь, я напрасно четыре года переплачивала за уроки хореографии? Теперь взберусь даже на шпиль собора Непорочного Зачатия.

Эмма невольно улыбнулась.

— Шутница...

По дороге к дубу Аннализа размышляла, каким же образом хореография поможет ей достать подвеску с дерева. Она раздвинула и закрепила лестницу, прислонила к ветке, убедилась в ее надежности и стала медленно карабкаться вверх, чувствуя в коленях бремя почти семи десятков прожитых лет. Чем дальше становилось до земли, тем сильнее дрожали ноги. Добравшись до цели, Аннализа с трудом перевела дух и попыталась снять крючок с ветки.

Все это время она думала не о подвеске и не о шаткой лестнице — в голову упорно лезли мысли о том, что кто-то заснимет это позорное зрелище на камеру, и ее обсмеет весь «Ютуб», если не весь интернет. Ей-богу, без смартфонов людям жилось гораздо веселее.

Лестница обжигала холодом даже сквозь перчатки. Аннализа поднялась на недостающую ступеньку и сильным рывком освободила крючок. Весь обратный спуск в окружении воспоминаний ей вторило позвякивание ключей и цилиндров часового механизма о диск маятника.

Радуюсь, что отделалась легким испугом, она вернулась в прекрасный ухоженный дом Эммы и, зайдя в солярий, упа-

Бу Уокер

ковала драгоценную подвеску в заранее приготовленную и выставленную папиросной бумагой коробку. Напоследок она убедилась, что кошки напоены, погрузила коробку в свой «Субару» и забралась сама.

Обратная дорога пролегла по дикому, каменистому и сказочно прекрасному побережью Кейп-Элизабет. Пробравшись по старинным пригородным улочкам Саут-Портленда, Аннализа пересекла подъемный мост и въехала в портлендский хоспис Каско, где до этого провела утро. Чтобы побережь спину, через вестибюль и коридор она везла увесистую коробку в инвалидном кресле.

— Миссия прошла успешно, — объявила Аннализа, вкатывая кресло в комнату.

Бледная Эмма страдальчески улыбнулась потрескавшимся губами.

— Спасибо... Я доставила тебе не слишком много хлопот? — Она с хрипом втянула воздух через трубочку в носу. Каждое слово давалось ей с заметной болью. За год она невероятно постарела, побледневшее лицо обвисло складками. Аннализе странно и горько было видеть, как угасает на ее глазах женщина на четыре года ее младше.

Бросив взгляд на декабрьское утро за окном, она пожалела, что нельзя открыть ставни. Бог с ним, с холодом — свежий воздух сотворил бы с этой комнатой чудеса.

— Не знаю, много ли звона будет, когда я повешу колокольчики, но они хотя бы зарядят твою комнату положительной энергией.

Обе они знали, какой силой обладала ветряная подвеска, лежащая в коробке.

Аннализа обвела взглядом белый телефон, салфетки «Клинекс» на столе и висящую в рамочке над кроватью дешевую распечатку с веткой лимонов в обрамлении ярко-зеленых листьев. Тропическая картинка совершенно не вязалась с природой Мэна. Никакое изобилие красок не смогло бы оживить эту безжизненную комнату. Ни белые стены, ни светло-голубое покры-

Когда поют деревья

вало, ни вазы, едва вмещавшие цветы, подаренные ветеранами, которым Эмма помогла за годы консультантской деятельности.

Диплом консультанта Эмма получила после того, как, скрывшись на западном побережье, два года проработала волонтером Корпуса мира в Марракеше. И до самой болезни, тридцать с лишним лет, она помогала ветеранам Вьетнама и других войн бороться с кошмарами. Не имея возможности поддержать брата, она лечила других солдат. Судя по тому, сколько букетов присылали бывшие подопечные, Эмме удалось спасти немало жизней.

Увы, комната в хосписе служила временным пристанищем в ожидании конца и могла предложить лишь слабое подобие уюта — Эмму пожирал рак.

— Хочешь, сбежим? — предложила Аннализа. — Устроись в шезлонге где-нибудь в тропиках, потягивая «пина коладу», и загорелый любовник будет натирать тебя солнцезащитным кремом. Только скажи, и я мигом беру кресло. Махнем первым же рейсом до Арубы.

— Если б мне хватило сил... — вздохнула Эмма, и по ее голосу было слышно, что она смакует предложение Аннализы, словно сахарную корочку на краю бокала с клубничной маргаритой.

Осмотревшись и прикинув на глаз потолочные балки, Аннализа спросила:

— Куда повесим?

Она с сомнением взглянула на крутящееся кресло, задвинутое под стол. Учитывая предыдущую затею с лестницей, еще одна подобная авантюра будет стоить ей жизни. Может, нужно подыскать себе помощника?

— Аннализа? — еле слышно прошелестела Эмма.

— Да?

— Спасибо тебе. Ты просто святая, — прижав ладонь к груди, выдохнула она.

— Бог с тобой! — горячо замахала руками Аннализа, подражая напыщенным неаполитанским интонациям своей

Бу Уокер

бабушки. — Это Аннализа-то святая? *Tu sei pazza!* Да я натерла мозоли на своих бедных скрюченных пальцах, перебирая розарий и молясь о спасении души этой девчонки! — И она громко фыркнула на манер бабушки, словно рассчитывая потушить Везувий.

Эмма слабо хихикнула, едва разомкнув губы; ее плечи мелко затряслись.

Присев на край кровати и собрав свои длинные седые волосы в хвост, Аннализа погрузилась в воспоминания о бабушке. Когда-то Nonna приютила ее, пятнадцатилетнюю девчонку...

— Господи, как же я по ней скучаю...

— Могу себе представить... — облизав пересохшие губы, отозвалась Эмма: она немного ожила и заговорила увереннее. — А вообще — она бы тобой гордилась. Ты, конечно, не любишь ни о чем вспоминать, но после того, что я натворила, ты мне так помогла...

Аннализа махнула рукой.

— Что было, то прошло. В последнее время меня частенько подводит память — спасибо, если вспомню имя Господа Бога. Одним словом, не волнуйся — все давно прощено и забыто.

Аннализа солгала: ничего она не забыла.

Ни единого дня.

— Если бы все было так просто, — прошептала Эмма.

Аннализа подозревала, что Эмма отказывалась от любого лечения, включая химиотерапию, именно потому, что никак не могла распрощаться с прошлым. Она решила подвести черту. Отчаявшись переубедить Эмму, Аннализа в конце концов смирилась с ее решением.

— Поищу-ка я помощника, — подняв палец, объявила она.

Поднявшись с кровати, Аннализа подошла к двери и выглянула наружу. По коридору шел медбрат в зеленом халате со стопкой белья в руках — вылитый Джеймс Дин, только без модной прически.

— Извините, можно вас на минутку?

— Конечно. — Он ускорил шаги и зашел за ней в комнату.

Когда поют деревья

— Не сможете повесить музыкальную подвеску? — Анна-лиза показала коробку.

— Десять лет работаю, а такое впервые слышу, — удивился медбрат и пожал плечами. — Повешу — отчего не повесить?

Выбрав с Аннализой и Эммой подходящее место на потолке, он подкатил к изножью кровати скрипучее кресло и под их предостерегающие напутствия влез на сиденье. Придерживая кресло одной рукой, Аннализа подала подвеску.

«Я собрала ее в тысяча девятьсот семидесятом, — вертелось у нее в голове, — и много лет сама радовалась ее звону, прежде чем отдать Эмме».

Любопытно, что, когда Аннализе перевалило за пятьдесят, она пристрастилась вести учет в годах. Всякое жизненное событие было отмечено знаком времени. В тысяча девятьсот шестьдесят девятом она познакомилась с Томасом. В семидесятом — вырвалась из цепких лап Пейтон-Миллза и переехала в большой город. В семьдесят третьем — впервые побывала в Бар-Харборе. Семьдесят седьмой год отметился тем, что Аннализа чуть было не попала на концерт Элвиса. Ее любимый музыкант скончался буквально за день до выступления в Портленде. Так и не пробитый билет (секция 122, ряд F, место б) до сих пор висел у нее в рамочке на стене кабинета. И наконец, в семьдесят девятом году она подарила музыкальную подвеску Эмме в знак своего прощения.

Наблюдая за вытянувшимся во весь рост медбратом, Аннализа не могла отказать себе в удовольствии полюбоваться его крепкой задницей. По Эмме было видно, что она тоже наслаждается зрелищем. Они с улыбкой переглянулись. Некоторые привычки не стареют.

Медбрат с ладной фигурой повесил крючок на металлический кронштейн, поддерживающий потолочную балку, и осторожно слез с кресла.

— Вот и готово.

Проводив его за дверь, Аннализа присела рядом с Эммой и бережно взяла в ладони ее искаленную артритом

Бу Уокер

руку. Ей показалось, что она держит голыми руками комок снега.

— Как жаль, что нельзя повесить его на крючок тебе на радость. Вот это был бы номер! Но придется обойтись музыкальной подвеской.

— Когда же ты повзрослеешь, как все нормальные люди? — фыркнула Эмма.

— Да ну, ты бы видела меня без одежды — я стара, как Рим.

Анализа ободряюще потрепала подругу по руке, вселяя ей веру в лучшее, даже несмотря на то, что надежды не было. Они обменялись долгим взглядом. Повисшее молчание жгло ей сердце.

— Поможешь написать ему последнее письмо? — спросила Эмма.

Анализа кивнула, не сдержав слезинки, сбежавшей по щеке. Она порылась в ящике стола, достала тетрадь и ручку и подкатила кресло к изголовью кровати.

Эмма вновь хрипло вдохнула воздух. После длинной паузы, каждую секунду которой отмечало попискивание медицинского прибора, она начала говорить.

Дорогой Томас!

Что я еще забыла сказать? Тебе известно, как я раскаиваюсь. Известно, как я по тебе скучаю. Сколько писем надо написать сестре, чтобы брат ей поверил? Мое сердце разбивается каждый раз. Ты и вправду нашел свое счастье или я украла его навсегда? Как бы мне хотелось, чтобы ты навестил меня в этой ужасной комнате и рассказал о себе.

Ты был замечательным братом. Терпел все мои подростковые выходки. Что я только ни вытворяла, лишь бы добиться внимания... Кроме тебя, никому не было до меня дела. Тебе даже пришлось уехать из общежития, лишь бы

Когда поют деревья

я не сидела дома одна. Что бы я без тебя делала? Помнишь, как ты побил Джима Гаррисона за то, что он обозвал меня уродкой? До сих пор вспоминаю об этом со смехом.

Как странно, что мы никогда не говорили о Вьетнаме, не обсуждали падение Берлинской стены и войну на Ближнем Востоке. Подумать только, теперь у всех есть компьютеры. А что творит этот Том Брэди? Да-да, я тоже о нем наслышана. А эти новшества в Портленде? Я боялась, что постройка торгового центра окончательно загубит наш город.

Надеюсь, ты знаешь, что, докатившись до крайности, я посвятила жизнь тому, чтобы искупить свою вину, и попыталась добиться, чтобы ты мною гордился. Наверное, этого мало, но больше мне нечего предложить. Я люблю тебя, Томас.

С надеждой, что навсегда останусь твоей сестрой,

Эмма.